

ПРОБЛЕМА ЧАСТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ

А. Ю. Золотарев

Воронежский институт экономики и права

Статья посвящена рассмотрению вопроса о частной юрисдикции в раннесредневековой Англии. Автор анализирует различные подходы к проблеме, существовавшие в историографии конца XIX—XX вв. С опорой на последние теоретические разработки о природе раннесредневекового государства, отношении частного и публичного в раннее средневековье, (С. Рейнольдс и др.) по-новому прочитан ряд законодательных и актовых источников по истории раннесредневековой Англии. Автор приходит к выводу о бессмысленности вычленения в рассматриваемую эпоху публичной и частной юрисдикций, поскольку англосаксонские лендлорды мыслились такими же слугами короля, как и королевские агенты (элдормены, гереды, шерифы). Положение в корне меняется лишь после нормандского завоевания 1066 г., когда ослабевшая королевская власть оказалась не в состоянии держать в повиновении своих могущественных вассалов.

Вопрос о наличии частной юрисдикции является, пожалуй, ключевым для разрешения другого вопроса: о степени развитости английского феодализма в X в. — первой половине XI в. Нам нет нужды останавливаться на характеристике социально-экономического развития Англии в столетие, предшествовавшее нормандскому завоеванию, поскольку это уже сделано в нашей историографии П. Г. Виноградовым, Д. М. Петрушевским, М. А. Баргом и А. Г. Глебовым¹. Сосредоточим свое внимание лишь на вопросе, обладал ли крупный землевладелец англосаксонской эпохи судебной властью над населением своих владений.

Дискуссия по данной проблеме в англоязычной историографии имеет давнюю историю. Одним из горячих сторонников положительного ответа на вопрос, поставленный в этом параграфе, был Ф. У. Мэйтленд. В одном из своих эссе он детально разобрал историю становления частной юрисдикции в Англии, видя ее корни еще в иммунитетных пожалованиях VIII—IX вв. Со временем их объем существенно вырос, и последние англосаксонские короли, в особенности Эдуард Исповедник, проявили “неосмотрительную либеральность” в раздаривании королевских судебных прерогатив, что имело тяжелые последствия как для доходов Короны, так и для политической власти монарха².

На возражения оппонентов, таких как Г. Адамс, что, по крайней мере, до правления Эдуарда Исповедника привилегии земельных магнатов включали в себя не более чем права на судебные пошлины³, Мэйтленд отвечал, что право на сбор таких неизбежно подразумевало и право бенефициария иметь свой суд, ибо “никто в средние века не занимался правосудием бесплатно”⁴. Мнение Мэйтленда разделяли Х. Кэм, Ф. Стентон и А. Хардинг. Хотя их взгляды на происхождение частной юрисдикции были различны⁵, все они сходились в том, что право лордов иметь свой суд и отчуждение в их пользу королевских прав, в том числе на “*sacu and socn*”⁶, всегда шли рука об руку,

³ Adams H., Lodge H.C., Young E., Laughlin J.L. *Essays in Anglo-Saxon law*. — Boston, 1876. — P. 27—54.

⁴ Maitland F.W. *Domesday Book and beyond*. — P. 277. Историки, писавшие на затронутую нами тему до Мэйтленда и Адамса, обычно склонялись к весьма раннему появлению в Англии частной юрисдикции (см, например: *Stubbs W. The constitutional history of England*. — Vol. 1. — Oxford, 1883. — P. 184).

⁵ Х. Кэм выводила ее из иммунитетных привилегий, которыми короли вознаграждали своих слуг и магнатов королевства за лояльность (*Cam H.M. The “private” hundred in England before the Norman Conquest // Idem. Law-finders and law-makers in Medieval England*. — London, 1962. — P. 61—62). Ф. Стентон видел ее истоки в “структуре примитивного английского общества”, где господин, глава домохозяйства обладал властью над своими слугами и домочадцами (*Stenton F.M. Anglo-Saxon England*. — Oxford, 1971. — P. 493). Согласно А. Хардингу, основания для частной юрисдикции лендлордов были заложены королями X в., которые сделали их ответственными за поддержание «мира» и законопослушное поведение людей на вверенной ему территории. Судебные пошлины были стимулом для магнатов делать эту работу хорошо (*Harding A. The law-courts of Medieval England*. — London, 1973. — P. 15).

⁶ В англоязычной историографии со времен Мэйтленда выражение модернизировано в “*sake and soke*”. В русскоязыч-

© Золотарев А. Ю., 2006

¹ Виноградов П.Г. *Исследования по социальной истории Англии в средние века*. — СПб., 1887; Петрушевский Д.М. *Очерки из истории английского государства и общества в средние века*. — М., 2003. — С. 34—53; Барг М.А. *Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв.* — М., 1962; Глебов А.Г. *Англия в раннее средневековье*. — Воронеж, 1998. — С. 144—154.

² Maitland F.W. *Domesday Book and beyond*. — Cambridge, 1897. — P. 282—283.

как это было, например, во Франции или Германии⁷.

Противоположного мнения придерживались Дж. Гёбель и Н. Хернارد. Первый указал на то, что в законодательстве, которое возлагало на лордов довольно много разного рода обязанностей, преимущественно полицейских, нет ни слова об их частных судах⁸. Более того, ни в грамотах, ни в законах нет каких-либо указаний на то, что шерифы или другие королевские чиновники не имели права взимать никакие судебные пошлины в сотне, принадлежащей лорду, или что его людям было запрещено обращаться в “государственные” суды⁹. По его мнению, многочисленные пожалования королевских прерогатив периода правления Кнута и последующих англосаксонских королей, сделанные посредством предписаний, во-первых, носили персональный характер (т.е. не на вечные времена), во-вторых, охватывали довольно узкий круг судебных прав, в-третьих, не содержали ничего принципиально нового по сравнению иммунитетными правами бенефициариев предыдущих веков¹⁰. В этом с ним была согласна Н. Хернارد, которая показала, что отчуждавшиеся в XI столетии в пользу иммунитетов королевские прерогативы не относились к числу тех, которые на Континенте и в Англии XII—XIII вв. носили название “высокой юстиции”¹¹.

ной транскрибируется как “сака и сока”, или просто “сока” (например: *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства... — С. 44). Г. Адамс так определяет значение этих двух слов: *socn* — право на взимание судебных пошлин, *sacu* — право судить (*Adams H. et al.* Op. cit. — P. 43—44). Вместе они означали право юрисдикции или территорию, на которой это право осуществляется.

⁷ Правда, Кэм, в отличие от Мэйтленда, оговаривалось, что право частной юрисдикции в Англии никогда, даже при Эдуарде Исповеднике, не достигала такой полноты как на Континенте. В частности, очень мало доказательств того, что королевские агенты не имели права присутствовать на частных судах лордов (*Cam H.M.* The evolution of the medieval English franchise // *Idem.* Law-finders and law-makers... — P. 30).

⁸ *Goebel J.* Felony and misdemeanor. A study in the history of English criminal procedure. — Vol. 1. — New York, 1937. — P. 340.

⁹ *Ibid.* — P. 354—356, 374—375.

¹⁰ *Ibid.* — P. 361—378.

¹¹ *Hurnard N.* The Anglo-Norman franchises // *English historical review.* — Vol. 64. — 1949. — P. 289—327, 433—460. Во Франции, где этот термин и зародился, под «высоким правосудием» (*haute justice, magna iustitia*) понималось право суда по преступлениям, за которые могло быть наложено наказание в виде смертной казни. Менее тяжкие преступления относились к сферам “*basse justice*” (“низкое правосудие”) и “*moeyenne justice*” (“среднее правосудие”). Наличие у сеньора «высокой юстиции» служило свидетельством полноты его частной юрисдикции. Согласно Бомануару (XIII в.), к сфере

Историки конца XX в. также не пришли к согласию относительно существования в англосаксонское время судов, принадлежащих частным лицам. Так, Г. Лойн, опираясь на исследования Х. Кэм, не сомневается в их наличии накануне нормандского завоевания¹²; в то время как Дж. Хадсон¹³ и П. Уормальд¹⁴ признают в сеньориальных судах продукт эпохи, наставшей в Англии после 1066 г. Последний предпринял весьма решительную атаку на гипотезу о том, что англосаксонские лендлорды обладали правом вершить суд в своих сотнях, обрушившись на самый веский аргумент ее сторонников: т.н. “свободы тройной сотни Освальдслоу”. Казус Освальдслоу (*Oswaldslow, Oswaldes lawes*) получил известность благодаря тем исключительным привилегиям ее владельцев, вустерских епископов, которые зафиксированы в “Книге Страшного суда”: “С древних времен ... ни один шериф не может иметь там никакого иска, никакой тяжбы и никакого другого дела”¹⁵. По мнению Уормальда,

“высокого правосудия” относились тайное убийство, измена, убийство, изнасилование, поджигательство, ночные кражи (*murtre, traison, homicide, rat, arson, roberie*) (См.: *Beaumanoir. Coutumes de Beauvaisis / Ed. par A. Salmon.* — Paris, 1899. — Vol. I. — P. 104). Английским аналогом “высокой юстиции” по традиции, заложенной Ф. У. Мэйтлендом, долгое время считались так называемые “иски Короны” (*pleas of the Crown*) (см.: *Pollock F., Maitland F.W.* The history of English law before the time of Edward I. — Cambridge, 1898. — Vol. 1. — P. 576). В разных источниках (II Сп., 13—15; Нп., 10.1; здесь и далее цитаты приведены по классическому изданию англосаксонских законов Ф. Либерманна: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann.* — Bd. 1. Text und Übersetzung. — Halle, 1903; сокращения приведены согласно этому изданию) перечень исков варьируется. Наиболее распространенные следующие: *fyrdwite* — штраф за неявку в войско; *grithbryce (mundbryce)* означало “нарушение мира”, гарантий защиты со стороны государства и лорда; *forestal* — грабеж на большой дороге; *hamsocn* — вторжение на территорию усадьбы, дома, драка на территории чужого жилища; *infangenetheof* — право казнить вора, схваченного с поличным (возможно, право на выкуп такого преступника); *toll and team* — вероятно, было связано с нарушениями при торговле и свидетельствовании сделок; *sacu and socn* — некое общее понятие, которое охватывало все перечисленные и, возможно, ряд других. На самом деле, все перечисленные иски относятся, скорее, к уровню “среднего” или даже “низкого правосудия”. См.: *Hurnard N.* Op. cit.; *Goebel J.* Op. cit. — P. 366—373; *Wormald P.* Lordship and justice in the early English kingdom: Oswaldslow revisited // *Idem.* Legal culture in the Early Medieval West. — London, 1997. — P. 326—327.

¹² *Loyn H.R.* The governance of Anglo-Saxon England. — P.161—163.

¹³ *Hudson J.* Op. cit. — P. 40—41.

¹⁴ *Wormald P.* Lordship and justice... — P. 313—332.

¹⁵ *Exchequer Domesday Book.*, I, 172v (2—1): “*Antiquorum temporum ... nullus vicecomes ullam ibi habere posit querelam nec in aliquot placito nec in alia qualibet causa*” (Цит. по: *Fleming R.* Domesday book and the law. — Cambridge, 1998).

епископ Вустера Вульфстан сознательно ввел в заблуждение составителей “Книги”, нормандцев, плохо знакомых с реалиями Англии, и приписал себе прерогативы, которыми его церковь никогда в “древние” (т.е. англосаксонские) времена не обладала¹⁶.

Итак, несмотря на отсутствие единства по рассматриваемой проблеме, преобладающей тенденцией в историографии является отрицание наличия в Англии полноценной частной юрисдикции. Теперь выскажем свои соображения по этому вопросу.

Прежде всего, следует указать на то, что вызывает возражение сама постановка вопроса о разделении англосаксонских судебных институтов на частные и государственные. Еще Д. М. Петрушевский указывал на то, что “строгости разграничения публично-правовой сферы и сферы частного права тогда не существовало”¹⁷. По его мнению, присутствовал ли в судебном собрании лорд или же королевский агент, не имело никакого значения, “не вносило ... существенных перемен в дело отправления правосудия в англосаксонском обществе”¹⁸. Соглашаясь с выводами русского медиевиста, мы не можем принять тех посылок, на основе которых они были сделаны. В духе своего времени Петрушевский полагал, что раннесредневековые короли “представляли себе свои права как главы государства в ... терминах частного права и хозяйства”. Иначе говоря, публичная власть в ту эпоху была по сути своей частновладельческой¹⁹. В настоящее время в науке большую популярность приобрела прямо противоположная точка зрения: в большинстве случаев (если речь не шла об отношениях личной зависимости) “частновладельческая” власть имела публично-правовую природу.

Как считает английская исследовательница С. Рейнольдс, нигде в Западной Европе вплоть до 1100 г. и даже несколько позже не обнаруживается явной и недвусмысленной связи между условными формами собственности, политической властью, обязанностями службы и коммемдационными ритуалами, т.е. основными элементами феодализма в его немарксистском понимании²⁰. Фьефы, бене-

фиции и прекарии с легкостью превращались в аллоды, и наоборот²¹. Обязанности службы аллодистов немногим отличались от аналогичных, возложенных на бенефициариев²². Отношение короля к своим *fideles, vassi, vavassores, ministres* и т.д. было скорее отношением государя к подданным, чем отношением вождя (сеньора) к дружинникам (вассалам): если короли могли конфисковать или пожаловать им собственность, то они это делали на тех же самых основаниях, что и главы государств в любую другую эпоху²³. Клятвы политического содержания, которые в раннее средневековье произносили крупные землевладельцы (и не только они), в подавляющем большинстве были клятвами верности государю, которые подданные приносили во всех странах и во все века, либо клятвами, скреплявшими договоры более-менее равных субъектов, во всяком случае, они не были связаны со вступлением в права собственности²⁴.

Если же говорить о связи крупного землевладения и политической власти, то, по мнению С. Рейнольдс, оно было более опосредованным, чем принято думать. Довольно часто короли назначали графами провинций наиболее могущественных местных магнатов. Те, в силу своей должности, получали контроль над землями и доходами фиска. Несомненно, они злоупотребляли властью, чтобы увеличить свои личные поместья за счет казны и подчиненных им жителей провинции, но до поры до времени эти поползновения ограничивались королевской властью. Лишь с распадом крупных раннесредневековых государств герцоги и графы получили верховный контроль над землей в пределах своего политического влияния, но опять-таки скорее как государи, чем частные владельцы своих фьефов²⁵.

Когда мы говорим о том, что в источниках англосаксонского времени едва ли возможно нащупать границу, отделяющую “государственные” суды от

nolds S. Fiefs and vassals: the medieval evidence reinterpreted. — Oxford, 1994. — P. 3).

²¹ *Ibid.* — P. 78, 103, 107—110, 135—140, 144—145, 173 etc.

²² *Ibid.* — P. 80—81, 101, 104, 106, 131—132, 152—156, 162, 168 etc.

²³ *Ibid.* — P. 34—47, 78—81, 102—104, 157—158, 180, 384—386, 401—402 etc.

²⁴ *Ibid.* — P. 82, 86—89, 127—130 etc.

²⁵ *Reynolds S. Fiefs and vassals.* — P. 111—114, 124—133; *Idem. The historiography of the medieval state.* — P. 124—125. См. также: *Caenegem R.C. van. Government, law and society // The Cambridge history of medieval political thought / Ed. by J.H. Burns.* — Cambridge, 1988. — P. 178—179; *Property and power in the early Middle Ages / Ed. by W. Davies & P. Fouracre.* — Cambridge, 1995.

¹⁶ *Wormald P. Lordship and justice...* — P. 320—323.

¹⁷ *Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века.* — С. 44—45.

¹⁸ *Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства.* — СПб., 2003. — С. 288.

¹⁹ *Там же.* — С. 298—299.

²⁰ С. Рейнольдс постоянно подчеркивает, что предметом ее исследования является исключительно «немарксистский феодализм», т.е. феодализм в его политическом понимании, отношения внутри правящего класса общества, между властью и магнатами, но не между феодалами и крестьянами (*Rey-*

“сеньориальных”, мы имеем в виду то, что для раннего средневековья в Англии трудно ощутима разница между крупным земельным собственником как частным лицом и как слугой государства. Само обладание крупной собственностью и большим числом лично зависимых людей возлагало на раннесредневекового магната определенные обязательства перед государством и государем. Отказ рассматривался не как нарушение каких-то специфических “феодалных” обязательств, а как неповиновение или измена государю. Часто это влекло за собой потерю земельных владений, что, однако, следует рассматривать не как лишение бенефиция вследствие нарушения “феодалного контракта”, а как конфискацию имущества за “государственное преступление”.

Все это нашло свое отражение в англосаксонском законодательстве. Так, в законах Инэ (конец VII в.) сказано: “Если твой генит украдет и убежит от тебя, если имеешь ручательство, потребуй с него компенсации; если нет [ручательства], то компенсацию платишь ты, однако этим пусть не будет он искуплен”²⁶. Другой титул этого сборника законов подразумевает, что лорд должен удерживать своих людей от преступлений²⁷. Но наиболее последовательно меры, направленные на то, чтобы сделать из всех крупных землевладельцев, независимо от того, занимали они какие-либо должности в государственном аппарате или нет, орудие государства по поддержанию правопорядка, были проведены в законодательстве X столетия. Так, в одном из декретов короля Этельстана, изложение которого дошло до нас в составе “Устава гильдии мира Лондона”, сказано, что епископы, элдормены, герефы и *все тэны короля* (курсив мой. — А.З.) обязаны взять с тех, кто им подчинен, ручательство в соблюдении мира, иначе герефа терял должность и платил штраф королю в 120 шиллингов, и “половину того каждый из моих тэнов, кто владеет землей”²⁸. Из законов Эдуарда Старшего и Этельстана

²⁶ Ine, 22: “Gif thin geneat stalie and losie the, gif thu haebbe byrgean, mana thone thaes angylde; gif he naebbe, gyld pu thaet angylde, and ne sie him no thy thingodre”. Гениты занимали промежуточное положение между крестьянами и тэнами, составляли свиту и двор своего господина, но сами не имели достаточно земли, чтобы считаться тэнами (см.: *Stenton F.M. Op. cit.* — P. 473).

²⁷ Ine, 50: “Если гезит будет ходатайствовать перед королем или королевским элдорменом за лиц, живущих в его доме, или перед своим господином за несвободных или свободных, то он, гезит, не должен получать ничего из [уплачиваемых ими] штрафов, потому что он дома не удерживал их от зла”.

²⁸ VI As., 11. В законах Этельреда (I Atr., 1.11; норма повторена в законах Кнута: II Sn., 31.1) наказание ужесточено: “Если он [человек лорда] будет обвинен и сбежит, господин платит его вергельд королю”.

следует, что на патроне лежала обязанность обеспечивать явку своих людей в суд и выполнение ими решений суда²⁹. На владельцев поместий также возлагалась задача помогать в преследовании похищенного скота³⁰. Если лорд принимал под свое покровительство человека, совершившего преступление и бежавшего от прежнего господина, то он должен был либо очистить своего человека от обвинений, либо выплатить положенные штрафы королю и его прежнему патрону³¹.

Трудно сомневаться, что лендлорд, если он контролировал суд, извлекал из его работы большую пользу для себя. Но также не подлежит сомнению, что, творя правосудие, он исполнял государственную службу. Это было действительно не только для англосаксонской эпохи, но и для позднейшего времени, которое было по всем меркам “феодалным”. Вот какие привилегии даровал Генрих I (1100—1135 гг.) основанному им аббатству Рединг: “Аббат и монахи Рединга (Reading) должны иметь во всех своих владениях все правосудие, касающееся нападений, и краж, и убийств, пролития крови и нарушения мира, во всей полноте, которая принадлежит королевской власти, и всех [других] правонарушений. *Если аббат и монахи пренебрегут отправлением такого правосудия, король должен заставить это сделать* (курсив мой. — А.З.), [но] таким образом, чтобы не умалить совершенно свобод церкви Рединга”³².

От англосаксонского времени до нас не дошло недвусмысленных упоминаний о “частных” судах лордов, но и там, где мы имеем наиболее серьезные основания подозревать их наличие, рядом с магнатами в их владениях мы видим представителей власти. Так, в “*Libellus Aethelwoldi episcopi*”³³ мы

²⁹ II Ew., 3; II As., 2: “И мы провозглашаем относительно тех, у кого нет лорда (hlafordleasan mannum), тех, от кого нельзя добиться справедливости (gyht), что следует приказать их родне доставить их для правосудия (folcgyht) и при собрании народа (on folcgemote) найти ему покровителя (hlaford)”.

³⁰ II Ew., 4: “Желаю, чтобы каждый держал наготове в своем поместье (on his lande) людей, которые бы вели других, идущих по следу своего [скота] ...”. То же самое в декретах Этельстана (V As., 2) и Эдмунда (III Em., 6—6.2). Кэрролл Ху считает, что на этот случай на службе у владельцев поместий были специальные следопыты (speremon), которые упоминаются в «Письме о поместье в Фонтилле» (Anglo-Saxon charters. An annotated list and bibliography / Ed. by P. H. Sawyer. — London, 1968. — № 1445). См.: *Hough C. Cattle-tracking in the Fonthill letter // English historical review.* — Vol. 115. — 2000. — P. 864—892.

³¹ V As., 1.

³² *Regesta regum Anglo-Normannorum.* — Vol. 2. — Oxford, 1956. — № 675.

³³ Этот источник представляет собой картулярную хронику. Он составлен на основе некогда бывших в распоряжении

видим элдормена Этельвина и герефу Вульфстана, председательствующих на судебном разбирательстве в двух сотнях, принадлежавших аббатству Или; причем заседание происходило у самых стен аббатства³⁴. В другом случае элдормен Биртнот, созвавший “частный” совет для решения своего частного ссора по поводу одного земельного участка, не считал для себя зазорным перенести разбирательство в суд графства в Кембридже, который и поставил точку в деле (разумеется, в пользу элдормена)³⁵. В первом случае присутствие представителей власти придавало большую силу решению суда, во втором уже представитель власти решил заручиться поддержкой публичного собрания “лучших людей” графства.

Вообще аббатства востока Англии дают замечательный пример того, как англосаксонские государи совмещали наделение князей церкви дополнительными доходами и свободами, свое небесное благополучие и лучшее управление землями, отдаленными от королевских поместий и итинерариев. Соки аббатств Рамси, Или, Питерборо, Св. Эдмунда, распространявшиеся не только на зависимых от них держателей, но и на свободных землевладельцев и держателей других лордов³⁶, дают нам наиболее яркий пример того, как магнаты несли на

монахов аббатства Или (Кембриджшир) документов, включенных в состав картулярия Этельвольда, епископа Винчестера (963—984 гг.), сооснователя и покровителя аббатства. В начале XII в. картулярий был переведен на латынь, подвергнут некоторой литературной обработке и включен в состав “*Liber Eliensis*”, в каковом виде и опубликован (*Liber Eliensis* / Ed. by E. O. Blake; foreword by D. Whitelock. — London, 1962).

³⁴ LE, II, 12: “*Interea venit Agelwinus alderman ad Hely et infra cimiterium ad aquilonalem portam monasterii tenuit placitum cum toto hundredo*”. LE, II 18: “*venit Wlstanus de Dalham et cum eo barones quamplurimi illuc, ibique collectis duobus hundredis versus aquilonem ad hostium monasterii placitum habuit*”. Существуют подобные примеры и для более позднего (XI—XII вв.) времени. См.: *Warren W.L. The governance of Norman and Angevin England*. — London, 1987. — P. 49—50. Сотнями в англосаксонской Англии называли мелкие территориальные, административные и полицейские единицы, аналогичные русским волостям.

³⁵ LE, II, 33: “*Brihtnothus alderman ... iussit illum summoneri est, veniens ad Dittune, cepit ibi dissesere et enarrare causas et calumpnias, conventions et pacta infracta que habuit super eum per testimonium multorum legalium virorum. Cui omnia illata deneganti et contradicenti statuerunt, ut cum iureiurando se purgaret... Hoc idem iterum alia vice statutum erat Grantebryge*”. См. комм.: *Whitelock D. Foreword // Liber Eliensis*. — P. XIII; *Kennedy A. Law and litigation in the “Libellus Aethelwoldi Episcopi” // Anglo-Saxon England*. — Vol. 24. — 1995. — P. 142. n. 44; *Wormald P. Giving God and king their due // Idem. Legal culture in the Early Medieval West*. — P. 348—349.

³⁶ *Warren W.L. The governance of Norman and Angevin England*. — P. 47.

своих плечах “непосильное для государственной власти бремя обеспечения внутреннего мира”³⁷.

В любом случае, будем ли мы выделять для англосаксонского времени в качестве самостоятельного института сеньориальные суды или нет, очевидно, что не они определяли общую картину правовой жизни страны. Согласно подсчетам Х. Кэм, в 1066 г. около 40 лордов, большей частью епископы и аббаты, имели в своей соке около 120 сотен и вапентаков (аналог сотни в Области Датского права). Это составляло примерно одну пятую общего числа сотен и вапентаков Англии. При этом уровень прерогатив их владельцев варьировался от графства к графству и от сотни к сотне³⁸. Но никогда в англосаксонское время частная юрисдикция не распространялась на административный район крупнее сотни или группы из нескольких сотен³⁹. Даже внутри одной соки, например, соки Св. Эдмунда, полномочия владельца образовывали как бы несколько концентрических кругов⁴⁰. Кроме того, даже в случае очень широкого иммунитета ряд дел все равно мог слушаться только в суде графства. Однако так было не потому, что сотенный суд и суд графства имели разную компетенцию. Как пишет У. Уоррен, “решающим фактором было скорее присутствие [в суде] наделенного полномочиями королевского агента, чем формальное определение компетенции судов”⁴¹. Иначе говоря, дело шло в другую инстанцию (например, в суд графства), если в первой (например, в суде сотни) не было лица, правомочного взимать в пользу короля закрепленные за ней в случае таких дел доходы с правосудия.

Итак, вернемся к нашему главному вопросу: обладали ли англосаксонские лендлорды судебной властью? Да, они ею обладали. Правда, она была не такой широкой, как “высокое правосудие” баронов во Франции, Нормандии и в Англии Плантагенетов. И примеры даже такого ограниченного судебного иммунитета были сравнительно немногочисленны. Однако куда большее значение, на наш

³⁷ *Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства*. — С. 288—289.

³⁸ *Cam H.M. The “private” hundred in England*. — P. 66—70. В 1316 г. из 628 сотен и вапентаков в руках лордов находились 388 (*Ibid.* — P. 59).

³⁹ Если не считать Нортумбрии, которая представляла собой фактически отдельное государство. Местные эрлы, епископ Дарема, архиепископ Йорка имели практически полный суверенитет в судебной области. См.: *Warren W.L. The governance of Norman and Angevin England*. — P. 50—51.

⁴⁰ *Hurnard N. Op. cit.* — P. 324—327.

⁴¹ *Warren W.L. The governance of Norman and Angevin England*. — P. 49.

взгляд, имеет то обстоятельство, что не имеет смысла само определение юрисдикции англосаксонских земельных магнатов как “частной”. До тех пор, пока власть королей Англии была сильной, лендлорды были их слугами, такими же представителями государственной власти, как элдормены или шерифы. Если повелений редко навещался в соку лендлорда, то это вполне могло быть следствием его занятости, а не того, что ему воспрещался въезд на “частные” земли (во всяком случае нигде в англосаксонских источниках таких запрещений не содержится). Зачем шерифу надо было тратить время на присутствие в суде “частной” сотни, если ему не надо было собирать никаких судебных пошлин с нее? Долгое отсутствие шерифов могло создать основания для возникновения обычая, как это, возможно, произошло в Освальдслоу, что “ни один шериф не может иметь там никакого иска, никакой тяжбы и никакого другого дела”. Однако юридические последствия эта практика получила уже после нормандского завоевания.

И не только потому, что нормандцы и анжуйцы были чужаками, незнакомыми с действительным положением дел в Англии до 1066 г., и не только потому, что новая политическая и социальная элита была носителем классической феодальной модели, составным элементом которой был сеньориальный суд. Немаловажную роль сыграло то обстоятельство (из всех современных авторов его заметил лишь У. Уоррен⁴²), что, несмотря на волюнтаризм отдельных королей, государство в Англии после завоевания стало намного более слабым, чем было до него. Мятежи и гражданские войны сотрясали его на протяжении XII—XV вв. У английских королей просто не было сил, чтобы контролировать лордов. Наоборот, в конце концов, лорды ограничили королевскую власть.

⁴² Warren W.L. The myth of Norman administrative efficiency // Transactions of Royal Historical Society. 5th series. — Vol. 34. — 1984. — P. 113—132. Уоррен объясняет упадок английской государственности после нормандского завоевания тем, что были утрачены навыки управления, административная культура, характерная для англосаксонского времени.